

Галин пишет, Галин и ставит

Диалог с модным драматургом перед премьерой в театре «Современник»

Александр Галин много лет остается модным драматургом. «Ретро», «Восточная трибуна», «Тамада», «Стена», «Крыша», «Дыра», «Звезды на утреннем небе», «Soggy», «Титул», «Чешское фото», «Аномалия» — его пьесы шли и идут не только в Москве, в России, но и в других странах.

А еще фильм «Плещи Казановы», который не только сочинил, но и поставил он сам.

Театр «Современник» открывает сезон новой пьесой Александра Галина «Акомпаниатор». Режиссер — Александр Галин.

— Саша, как тебе живется с твоим даром?.. Страна-то у нас довольно тяжелая для легкого пушкинского или галинского дарования. Я обожаю твой диалог, именно легкий, искрометный, подслушанный в жизни. Но у некоторых людей твои пьесы вызывают отторжение, потому что им кажется, что ты списываешь с поверхности жизни.

...Легко или не легко. Ты знаешь, здесь и легко, и тяжело, и прекрасно, и страшно. Всегда так было в этой стране. Сейчас, конечно, повеселее. Хотя и пострашнее. Но все-таки ушло то унижение, и никто не может тебе сказать...

— В чем твое-то было унижение?

— Унижение было в следующем... Да и сейчас на самом деле осталось. Вот когда ты попадаешь на эту колоссальную территорию, то как бы перестаешь сам за себя отвечать. Ты можешь проснуться и оказаться в каком-то новом для себя режиме. И вообще жизнь — я чувствовал это всегда и пытался, в общем, описать, правда, в комической форме, — что здесь человеческая

жизнь не имеет цены. Иногда это в крупных общественных событиях выражается, когда, например, побить человека или убить человека ничего не стоит, пролитая кровь ничего не значит в этой стране... Я так говорю «в этой стране», как будто я приехал сюда ее изучать. Во всяком случае, это та страна, в которой я никогда не хотел бы жить, но Бог меня в ней поселил. Страна, которая называется «государство», где живут политики, где живут люди, которые их обслуживают, а также силовые какие-то структуры. Я не знаю этого государства, и я стараюсь туда не попадать. Я не хочу, чтобы мне ставили визу, чтобы попасть в это государство, как попадаешь, например, в Париж. Потому что там, где это государство, там и есть все это. А моя жизнь, начиная с моего детства несчастного, бедного и божественного, заключалась в том, что я был вдаль от всего. Я жил во дворе всю свою жизнь. Из двора я переехал в общежитие. Потом из общежития переехал во двор. И так в нем, собственно, и жил. И живу. Курск — долго очень.

Ленинград — довольно долго. Сейчас Москва. Два двора и одно общежитие, где я познакомился со своей прелестной женой Галочкой, — вот мое государство. А остальных государств я не знаю. И их людей тоже.

— Ты их боишься?
— Я не то чтобы боюсь, я не люблю.

— Пусть они отдельно?
— Я их не люблю. Я не люблю так называемых сильных людей. Хотя я не могу сказать, что я такой уж слабый. Но совершенно не мое вот ритуальное существование в этом надчеловеческом устройстве. Оно есть не только в нашей стране. Не только выходцы из коммунистических структур правят такой бал. Оно есть везде.

— Саша, ты свою жизнь всегда внедрял в свои вещи. Скажем, «Крыша» — это твоя студенческая жизнь. В «Аномалии» вдруг возник кукольный театр. Ты ведь кукольник по первой профессии?
— Нет, я не кукольник. Я много раз говорил, что я долбежник.

— Кому ты это долбил?
— Я постоянно рассказываю, что существует два фундаментальных способа обрабатывать металлы. Знакомых мне. Это строгальный станок, который движется в эту сторону, и долбежный, который движется в ту. Я работал долбежником. С младых ногтей. С 14 лет я работал на заводе.

— А разве ты не работал в театре?

— Работал. Я работал в театре, но потом. Когда почувствовал, что больше не могу долбить металл.

— Теперь у тебя есть имя...
— Какое имя? Ты знаешь, что такое прийти, когда сидит двадцать человек артистов, и пришел писатель со своим жалким текстом?

— Значит, в тебе есть художественная воля. Ты не только слабый еврей, который отгородился от государства...

— Что такое распределение ролей в театре? Когда в кукольном театре распределяют «Репку» и кто будет играть мышку или второго кота, знаешь, какие страсти? Это человеческая жизнь!

— Скажи, а вот эта гражданская война и вся эта революция, которая произошла и происходит у нас в стране, она тебя каким-то образом обтекла? Или нет?

— ...Я, конечно, очень страдаю от того, как быстро человек превратился в жестокое животное. Я, честно говоря, не ожидал. Я не ожидал, что можно дойти до такой степени пещерного убожества и жестокости.

— Но ты можешь сделать, чтобы люди смеялись. А с другой стороны, чтобы они плакали.

— Хотим мы этого или не хотим, мы размягчаем сердца. И это и есть русский психологический театр. Наивный русский психологический те-

атр. Как страшно тяжело сделать простую классическую пьесу и поставить глубокий содержательный спектакль, где люди следят за происходящим от начала до конца, где они понимают, почему человек плачет, почему он несет нож за пазухой или отсчитывает деньги. Они все понимают, они понимают человека.
— Саша, а про перемены?
— Смешного много. Смешно, конечно, когда вот эти ваньки, эти ребята, дай им Бог...

— Как это называется, с пуленепробиваемыми затылками?

— Да, они, в общем, и страшные, и смешные. Трудяги, конечно. Все время под пулями, и сами убивают... местами они бывают очень смешными. Особенно, когда в театры приходят. У меня несколько идет пьес в Москве, которые почему-то посещаются вот такими вот ребятами. Ну может быть, по крутизне театра. В Ленкоме идет пьеса «Чешское фото». Там как раз богатый и бедный, и такие реакции очень странные.

— А какие?

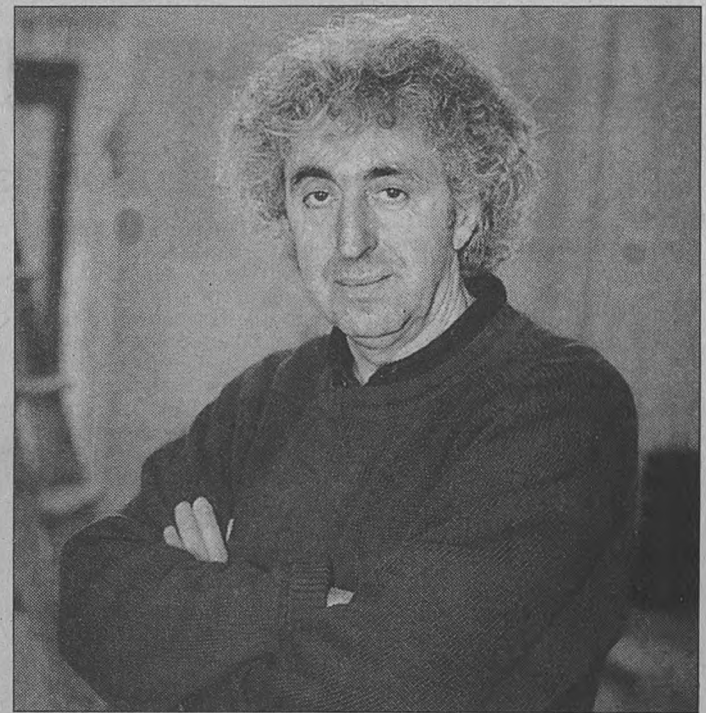
— А там у Коли Караченцова есть текст: вот они ограбили народ, а потом устраивают для нас благотворительные концерты. Ледяная тишина в зале. Калягин говорит: а что ж, говорит, да вот русский народ, понимаешь, деньги берет, а свистеть не хочет. Тут хохот и аплодисменты.

— А ты слушаешь реакцию зала, да?

— Да. Знаешь, как в кукольном театре всегда, когда отыграл эпизод, обязательно есть в бархатном таком занавесе дырочка, и ты в нее смотришь. А мы ездили по деревням... Ты знаешь, когда я полюбил театр по-настоящему? Когда мы в первый раз поехали на гастроли с кукольным театром в какую-то деревню. Где не ступала нога не только работников культуры — ничья. Дети, бабки, взрослые. Деревня собирается в клуб. Даже клубом это назвать нельзя. И смотря они на страдания Курочки Рябы, и вот такие глаза. Понимаешь? Вот это колоссальное впечатление. Это да.

— Саша, а скажи мне, а ты вообще бываешь счастливым? Сейчас, в это время?

— Подвергнуты ревизии многие наши ценности. Ценности коллективизма. И под это дело попали важнейшие человеческие вещи. Человек определенно существует в человеческом сообществе. Изначительно существует. И у него есть способность влюбиться не только в женщин, а в людей — колоссальная способность. которая должна быть подпитана. Поэтому я всячески хочу сохранить верность. И ожидаю от людей, ну, того же. Я заметил, что в нашей жизни появилась такая суховатая, такая жестковатая особенность, когда люди зво-

нят и ищут друг друга только по необходимости. Я понимаю, что время — это деньги. И многие живут очень тяжело. Но не надо смотреть на человека как на способ обогатиться. Человек — не полезное ископаемое, его нельзя определить существует в человеческом сообществе. Изначительно существует. И у него есть способность влюбиться не только в женщин, а в людей — колоссальная способность. которая должна быть подпитана. Поэтому я всячески хочу сохранить верность. И ожидаю от людей, ну, того же. Я заметил, что в нашей жизни появилась такая суховатая, такая жестковатая особенность, когда люди зво-

нельзя строить мир нужных людей.

— Все равно это глупое непонимание диалектики. Потому что этот расход на человека, он на самом деле приносит тебе громадный доход.

— Как это по телевизору: «Позвоните родителям!» Понимаешь, заказал убийство, убил, позвонил родителям. Или стихи в метро. Вот такое небольшое вкрапление гуманности. Но это не так. Это не так. Цель и задача человеческой жизни — умножение любви и красоты. Только для этого человек создан. Он создан для того, чтобы обустроить этот чудовищный мертвый мир. Он должен сделать его прекрасным.

— Но он же и громадный плюс.

— Это другое. Поэтому

Ольга КУЧКИНА.